

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2022/2023 учебный год**

10 класс

Задание №1

Аналитическое задание

(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения *Сергея Митрофановича Городецкого (1884-1967) «Тревога»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: жанрово-композиционные особенности произведения; ключевая идея стихотворения, подчёркивающая позицию автора; основные художественные образы, выражающие соотнесённость представленных миров, и художественные детали, их создающие; а также иные специфические элементы поэтики стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

***С. М. Городецкий*
Тревога**

Напрасно ищешь тишины:
В живой природе нет покоя.
Цветенье трав и смерть героя,
Восторг грозы и вой луны,

Туч электронных табуны,
Из улья вешний вылет роя,
Вулкана взрыв и всплеск прибоя
В тебе таинственно равны.

Нирваны нет. Везде тревога!
Ревет у твоего порога
Полночных хаосов прилив.

Не бойся никакой Голгофы.
Весь мир плененной бурей жив,
Как твоего сонета строфы.

Июнь 1918

Выполните целостный анализ рассказа *Владимира Алексеевича Солоухина (1924-1997) «Варвара Ивановна»*. Обратите внимание на следующие особенности его поэтики: речевую организацию текста, композицию и сюжетную динамику истории; роль заглавия, художественного времени и художественных деталей в повествовании; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

В. А. Солоухин

Варвара Ивановна

Мы сидели за столом и разговаривали. Все уж было съедено. На столе пустая сковорода из-под яичницы, тарелка с остатком зеленого лука и тарелка с хлебом.

За столом, кроме меня, сидели бывший секретарь нашего райкома (еще до укрупнения), а теперь областной работник Кудряшов, новый секретарь райкома (потеперешнему – парткома) Григорьев, председатель сельсовета Борисов и директор РТС Коровин.

Я признаюсь вам чистосердечно, что первые три фамилии я выдумал, чтобы не было лишнего разговора, а Леонида Константиновича Коровина называю, потому что он-то и рассказал нам маленькую, но примечательную историю, которую хочется передать людям.

И ведь как рассказал! Словно профессиональный литератор. Ничего лишнего, только одни главные детали, как будто пересказал содержание своего, написанного уже им рассказа.

Перед этим целый день мотались на двух «газиках» по колхозным полям, по бригадам: где появились всходы, где нет всходов – весна небывало трудная: с середины апреля установилась летняя, тридцатиградусная жара.

А тут еще новый председатель колхоза (молодой зоотехник, 1937 года рождения) наломал дров неуместным административным рвением. Желая укрепить дисциплину, решили на правлении отрезать часть усадьбы у тех, кто не работает в колхозе. У зlostных лодырей или там подрабатывающих на стороне оно бы и ладно, а то, как иной раз у нас бывает, перехватили.

Например, дед да баба доживают свой век в покосившейся избушке. Они, пока могли, до последней возможности ходили на колхозную работу – теперь же больше не в силах. Перевалило за восьмой десяток! Всему есть предел. Ну, сидели бы себе на завалинке да копались бы в своем садишке-огорошке. Небольшой залог, расцветающий в мае купальницами, а в июне – раковыми шейками да ромашками, картофельник за залогом. Оно, правда, за восемьдесят, оно, может, и скоро помирать, но хоть и два года, а жить надо. Нужны старикам и залог, и картофельник, и садишко с огородиком.

И вдруг выходит решение: отобрать половину усадьбы.

– Да как же так, люди добрые! Уж на кончике-то за огородом посеяли мы горстку овсеца, чтобы было что курам дать.

Куда там – не приняли во внимание! Так с посеянным и отчекрыжили. Даже истраченных семян не догадались вернуть. Вот что значит молодо-зелено!..

Или другой случай. Человек-то всю жизнь в Москве прожил, уехал еще в революцию, а не то что зlostный беглец из колхоза. Работал в Москве на заводе, отдавал, можно сказать, народу свои силы и уменье. Во время отпуска каждый год – в деревню, где дом у реки и тоже садик за домом.

Выйдя на пенсию, и вовсе уехал на вольные воздуха. Садик между тем получился аккуратный, ухоженный, чистый, грамотный. Не такой, чтобы на продажу, а именно такой, чтобы для своего удовольствия. Сказано ведь великим писателем: пусть каждый посадит на земле хотя бы одно деревце. Пенсионеру и сам бог велел ковыряться в земле и ухаживать за садом.

И вдруг выходит решение: всю усадьбу московского пенсионера вместе с выращенным садом отобрать. Как у нас говорят: отрезать по углу. То есть оставить только ту землю, что находится под домом.

Молодой председатель колхоза ломает дрова – руководителям района в этих «дровах» разбираться. Удивительно ли, что к пяти часам, наездившись по жаре по пыльным полевым дорогам, мы проголодались, и яичница с салом оказалась кстати.

Разговор постепенно перешел на тему прямо-таки философскую. А именно: обсуждали, не помню уж в связи с чем, где границы человеческой, допустим, силы или выносливости и может ли человек сам знать эти границы или существуют некие скрытые

резервы, о которых и не подозреваешь, но которые вдруг в нужную минуту включатся в дело и все дело вывозят на гору.

Посыпались разные интересные случаи.

Мне вспомнился феноменальный и очень показательный в этом смысле случай, рассказанный бывшим флотским Мишей Годенко.

У них на эсминце на палубе у глубинной мины вдруг сработал взрывной механизм. Два матроса слышали щелчок и, твердо зная, что через несколько секунд последует взрыв, подхватили мину, перекатали через леера и – за борт! Ухнуло за кормой, когда эсминец уж пронесся мимо. Но гвоздь-то в том, что после, в спокойной обстановке, те же матросы не могли мину приподнять от палубы хотя бы на сантиметр, не то что перебросить через леера. Откуда же взялись силы в нужную роковую секунду?

– Это что? – заговорил вдруг Леонид Константинович Коровин. – Все эти ваши рассказы – пустяки! Вот я знаю случай... – И он рассказал следующее: – Я проверял работу одного колхоза в селе... (он назвал село километров за двадцать от нашего). После всевозможной канители, как вот и сегодня, пошли к бригадиру перекусить.

Бригадиром была женщина лет сорока, по имени Татьяна Сергеевна. Дом у нее справный, три окна по улице, перед окном в палисаднике жасмин, как все равно корзина с цветами. Правда, видно, что давно уж до этого жасмина руки не доходят. Сами знаете, что-нибудь одно: либо бригадирствовать в колхозе, либо цветы.

Татьяна Сергеевна прошлый год похоронила мужа. Я уж и не помню, правда сказать, от чего он умер, то есть от какой болезни. Как будто от язвы желудка. А может, и не от язвы: врать не буду, и к делу не относится. Факт тот, что вдова.

В передней горнице просторно, прибрано, половички, цветы в кадучках, ситцевые занавесочки, на образах вышитые полотенца и красная лампадка перед образами.

«Ты это зачем? – напустились мы на нее. – Член правления, член партии, как не стыдно!»

Татьяна Сергеевна показала глазами на тесовую перегородку и говорит, сходя почти на шепот:

«Мама помирает. Просила затеплить. Вчера соборовали».

Я заглянул за перегородку и увидел на кровати старуху, лежащую вытянуто и прямо, как лежат покойники на столе. Даже руки сложены на груди, как у готовой покойницы. Да она с лица и была уже готовая покойница: кожа желтая, щеки ввалились, губы натянуло до синевы, нос востренький, надбровные дуги выступили и прояснились. Про руки говорить нечего: воск и воск. И этот, знаете, серый, пепельный налет на лице. То есть нынче или завтра конец. Недаром же попросила, чтобы соборовали...

«Да, отработала Варвара Ивановна свое, – опечалился я, выходя из-за перегородки к столу. – Сколько ей? Чай, за восемьдесят?»

«Восемьдесят шестой, – подтвердила Татьяна Сергеевна. – Да уж, конечно, отработала. Во-первых, вырастила семерых детей. Две дочери на чужой стороне замужем. Четырех сыновей убило в немецкую войну. Один вот недавно умер (это, значит, про своего мужа). Да после убитых сыновей детишки остались – их надо было на ноги поднять. Теперь кто где: и во Владимире, на тракторном заводе, и в Москве один, инженером. Выросли и глаз не кажут. Отрезанные куски...

А вы думаете, такая чистота в доме от меня? Да когда мне, колхозному бригадиру, за чистотой в доме следить! От зари до зари на ногах да на нервах. Так что и чистота в доме – все от нее. Да трое моих ребятишек. Младшему – два с половиной, старшему – шесть. А куда денешься, жизнь...

Четвертого дня слегла. Сразу как-то перелом произошел. Три дня – и готово. Догорает, как свеча. Вот вы меня ругаете, почему я допустила лампаду и соборование. А как я могла запретить, если это за все ее восемьдесят пять лет последняя и единственная воля, последнее на земле желание? Нет уж, мы – одно, а старики – другое. Пусть уходят,

как им кажется лучше. Как им, с их темной точки зрения, кажется по-людски, по-человечески».

Тут мы заметили, что говорим о Варваре Ивановне как о совсем умершей, а она ведь пока жива. И может быть, даже слышит наш громкий разговор, только вставить уж ничего не может. Мы спохватились, стали говорить тише, а потом и вовсе переменили тему разговора.

Пока ужинали, побывали в горнице и трое ребятишек Татьяны Сергеевны. Старший, Сережа, шестилетний сероглазый мальчик с соломенными волосенками, был уж приучен здороваться с посторонними людьми. Четырехлетняя Маша в продувной рубашонке, круглолицая, розовощекая крепышка, вся перепачкалась в киселе из смородины. Вовочка, по третьему году, тотчас вскарабкался к матери на колени и пальцем стал показывать на еду. Все босенькие, но не запущенные. Видно, что были в хороших женских руках. А если и подзапустились самую малость, так разве за последние четыре дня.

Бригадир мы должны были вызвать в район на совещание. Но, видя, что у нее в доме почти покойник, сказали, чтобы она не ездила.хлопот будет много: похороны, поминки, по деревенскому обычаю. И переживание: хоть и старый, отживший свое человек, а жаль...

На другой день совещались мы в райкоме, как вдруг секретарша вызывает меня к телефону. Звонят из колхоза, где ужинали: бригадир Татьяну Сергеевну вечером убило наповал куском металла, отлетевшим из силосорезки. Надо ехать на место, разобраться. Да и как было не поехать! Потрясло, и не укладывалось в голове, чтобы наша Татьяна Сергеевна, видная, сорокалетняя, сильная, выносливая, – и вдруг мертва. Можно сказать, лучший бригадир в нашей зоне.

Захватив врача, поехал в колхоз «Победа». Силосная яма у них на въезде в село, так что мы сразу и увидели происшедшее.

Впрочем, что мы увидели? Лежит поверх изрубленной на силос кукурузы наша Татьяна Сергеевна. В стеганке, в мужских кожаных сапогах. Лежит ничком, лицо подвернуло на сторону. Висок пробит железным осколком. Руки в земле, как полагается бригадире. Глядеть, собственно, нечего. Уж целую ночь пролежала здесь, на силосе. Положили в кузов, чтобы отвезти в больницу на вскрытие.

Надо бы и мне возвращаться в район, но вдруг встала перед глазами вчерашняя картина: старуха, почти покойница, и трое ребятишек мал мала меньше.

«Они-то как? Они-то как?!» – пронзила меня неожиданная мысль. Пустая изба. Покойница и трое ребятишек. Воображение почему-то твердо подсказывало мне, что уж обязательно покойница и трое сироток возле мертвой бабки. А может, залезли со страху под лавку, под стол и сидят.

Я завел свой «газик» и на третьей скорости – в село, в дальний конец села, где стоит желтый дом с тремя окнами по улице и с копной одичавшего жасмина в стареньком палисаднике.

Затормозил. Взбегаю на крыльцо – и чуть не обмер с испугу: навстречу мне Варвара Ивановна на своих ногах и с ведром. По воду.

«Да разве ты не умерла?!» – не удержалось у меня на языке. Не могло удержаться, настолько был уверен.

«А их куда? – озабоченно кивнула Варвара Ивановна назад в избу, где, видимо, сидели ее внучата. – Ну, умру я, ладно. А их кто будет обихаживать, если остались круглыми сиротами? Уж, видно, некогда мне, старухе, помирать. Не время».

Поверите или нет, три года прошло с тех пор, а она все живет, отсборованная, совсем было уж преставившаяся русская женщина Варвара Ивановна. Живет – и некогда ей помирать. Но откуда берутся силы?..

Задание №2
Творческое задание

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы.

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор последней строчки (она подчеркнута) комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», помня о том, что ваш материал предназначен для видеоблога:

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?

Скажи сурьезно:

Безумный! что он тут за чепуху молол!

Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!

А ты меня решила уморить?

Моя судьба еще ли не плачевна?

Ах! Боже мой! что станет говорить

Княгиня Марья Алексевна!